

но хочется обнять детей...» Именно эти слова читаем в письме Достоевского в Курскую губернию из столицы. Смерть глубоко укоренилась в текстах писателя и ощутима даже лексически в его письмах. А тогда, на Семёновском плацу, стоя рядом и обмениваясь последними в жизни словами, ни сам Достоевский, ни Николай Спешнев не знали, что с секунды на секунду их осенит великая царская милость и неминуемую казнь заменят каторгой.

Для Достоевского тот момент стал определяющим в судьбе, мироощущении, творчестве. Иначе писатель не был бы тем Достоевским, которого знает весь мир.

Диалог перед казнью у них со Спешневым вышел удивительным. «Мы будем с Христом...» – сказал один. «...Горстью пыли», – ответил второй.

Надо ли пояснять, что первая мысль принадлежит Достоевскому, а вторая Спешневу. Оба говорили «для своих» на французском, элитном языке той эпохи.

«Nous serons avec le Christ...» и «...Un peu de poussière». Краткий диалог заострён на том же смертельном контрасте возвышенного и земного. Знаковые слова «набрасывают» новую петлю, новые круги ада, круги метаний душ и тел на героев Достоевского. В том числе на Николая Ставрогина из романа «Бесы», прообразом которого явился Николай Спешнев.

Литературный портрет Ставрогина рождался в многомесячных муках странных воспоминаний о юношеском восхищении Николаем. И сам Достоевский номинировал его

не иначе как «мой Мефистофель». В Дрездене, где одно время жил и Николай Спешнев и куда Достоевский фактически сбежал от кредиторов, писателю надлежало сделать главный выбор: либо сдать в журнал уже написанную первую половину нового романа «Бесы» и расплатиться с долгами, либо попытаться забыть несколько месяцев работы и уничтожить написанное, а затем начать все сначала уже с красавцем Николаем Ставрогиным, не имеющим аналогов новым героем, описанным в «Бесах». И решение было принято. Написанное ранее сожжено!

Ради цели, ради попадания в будущую цель. Вспоминается афоризм мыслителя, которому, по его собственному признанию, «нигде не было так хорошо, как здесь», в Дрездене. Это Артур Шопенгауэр, известная метафора которого о «невидимой» цели точно описывает феномен гения Достоевского, во многом не понятого своей эпохой. Особенно в отношении «Бесов».

«Das Talent gleicht dem Schützen, der ein Ziel trifft, welches die Uebrigen nicht erreichen können; das Genie dem, der eines trifft, bis zu welchem sie nicht ein Mal zu sehn vermögen» / «Талант попадает в цель, в которую никто попасть не может; гений попадает в цель, которую никто больше не видит».

Так зарождался новый роман – от московской уголовной хроники до провидений будущей постэпохи. Из того же ахматовского «сора», как и «Преступление и наказание» из газетного факта. И, казалось бы, банального убийства, на этот раз студента с рядовым задокументированным именем Иван Иванович Иванов. Знаковым именем!

Ох, не рядовое убийство рассмотрел в этом гений Достоевского! А своеобразное отзеркаливание соответствующих процессов в настоящем и будущем, от террора любого



ОБ АВТОРЕ: Александр Владимирович БУБНОВ. Поэт, педагог, филолог, доктор филологических наук, основатель и куратор фестивалей «Курский контекст», «ФЛЭ – Фестиваль Литературного Эксперимента», «Буквологические игры», член Русского ПЕН-центра.

Автор многих публикаций в российских и зарубежных изданиях. Лауреат международных фестивалей и конкурсов, в том числе Пражского литературного фестиваля «Европа-2013».

«цвета» и разного рода сектантства до упоения непогрешимостью своих идей по переустройству мира, новых идеологем как на Западе, так и на Востоке.

Когда люди, как ветви, связаны, но не единым живительным соком земли, а смертельно повязаны липкой смесью на основе крови и клейстера, пользуясь словником самого Достоевского. Вспоминаются строки «Бесов» А.С. Пушкина, но не те строки, что даны эпиграфом у Достоевского, а те, что ближе к поздней осени, к юбилейному месяцу: «Закружились бесы разны, будто листья в ноябре...».

«Вот завоят-то про меня. А я до последнего слова выскажусь...» – из письма Ф.М. Достоевского к А.Н. Майкову, Дрезден, 1870 год.

Да, завопили. И автора нового романа называли «уродом», и изуродовали сам роман, опубликовав его с усекновенной главой, которая спустя век, согласно изначальному замыслу автора, вернулась-таки на своё место благодаря усилиям новых читателей-исследователей, «пользы для» не боящихся зеркал от Достоевского, научившихся смотреть в них пристальнее, «до последнего слова», до беспредельной глубины, за которыми после катарсиса сопереживания могут открыться новые «двери веры».

Александр БУБНОВ
Курск – Москва

